БРИГЪ МЕРКУРiЙ.

Въ турецкую войну 1829 года флотъ нашъ стоялъ у турецкаго города Сизополя, на сѣверъ отъ Босфора (Цареградскаго пролива), выжидая турецкаго флота, который по временамъ только носъ выказывалъ изъ Босфора и тотчасъ опять уходилъ назадъ. Для подстереженія его, и чтобы тотчасъ дать о томъ знать флоту, послано было, по направленію къ проливу, нѣсколько легкихъ судовъ, съ тѣмъ, чтобы они, при выходѣ турокъ, дали о томъ знать адмиралу сигналами, передавая ихъ другъ другу.

Съ разсвѣтомъ 15–го мая въ виду флота показался фрегатъ Штандартъ; въ 9 часовъ увѣдомилъ онъ сигналомъ, что непріятель вышелъ въ море; а какъ въ это время заштилѣло, то съ фрегата отправленъ былъ офицеръ на гребномъ суднѣ, который донесъ: Утромъ, наканунѣ три опознательныя судна наши подошли на 13 миль къ проливу и встрѣтили турецкій флотъ, въ числѣ 18–ти вымпеловъ; завидя

крейсеровъ, онъ пустился за ними въ погоню и два корабля его, какъ видно лучшіе ходоки, стали примѣтно сближаться съ нами. Старшій командиръ фрегата сдѣлалъ сигналъ: «всякому взять тотъ курсъ, при которомъ у него лучшій ходъ;» но бригъ Меркурій, отставъ отъ прочихъ, былъ настигнутъ кораблями, кои открыли по немъ огонь. Около пяти часовъ вечера, пальба прекратилась. Флотъ нашъ въ возможной скорости снялся съ якоря и пошелъ къ Босфору. Къ 5 часамъ вечера бригъ Меркурій встрѣтилъ флотъ и вскорѣ къ нему примкнулъ.

Наружній видъ брига показывалъ, какую битву онъ выдержалъ: корпусъ, рангоутъ, такелажъ, паруса, — все было избито ядрами. Командиръ, капитанъ–лейтенантъ Казарскій, такимъ образомъ донесъ о подвигѣ своемъ:

Когда турецкій флотъ пустился въ погоню за нашими двумя бригами и фрегатомъ, а отъ этого приказано было сигналомъ: «каждому бѣжать, какъ выгоднѣе,» то Меркурій легъ въ полвѣтра;

почти прямо прочь отъ непріятеля. Но два турецкіе корабля, 110–ти пушечный, подъ флагомъ Капудана–Паши, и 74–хъ пушечный, подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ и къ двумъ часамъ пополудни были отъ него не далѣе полутора пушечныхъ выстрѣловъ. Въ это время вѣтеръ стихъ и ходъ кораблей уменьшился; бригъ выкинулъ весла, въ надеждѣ удержаться до ночи внѣ выстрѣла; но черезъ полчаса вѣтеръ опять посвѣжѣлъ, корабли стали приближаться и открыли пальбу изъ погонныхъ пушекъ.

Видя что некуда дѣваться, и что нѣтъ надежды уйти отъ непосильнаго боя, Казарскій собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ наличныхъ офицеровъ; штурманъ, поручикъ Прокофьевъ, какъ младшій, долженъ былъ первый подать голосъ и сказалъ: «такъ какъ уйти нельзя, разбить непріятеля нельзя, то само собой разумѣется, что должно драться до послѣдней возможности, а наконецъ привалиться къ непріятельскому кораблю и взорваться съ нимъ вмѣстѣ на воздухъ.»

Это мнѣніе принято было всѣми въ одинъ голосъ, и потому положено: драться, покуда не будетъ сбитъ весь рангоутъ, или не откроется сильная течь, и покуда есть кому служить у пушекъ; а затѣмъ свалиться съ непріятелемъ и подорваться. Кто изъ офицеровъ останется въ живыхъ, тотъ долженъ былъ зажечь крютъ–камеру; для этого положенъ былъ на шпиль заряженный пистолетъ.

Если разсудить, что на бригѣ было всего 18 пушекъ малаго калибра, а непріятель напиралъ съ 184–мя пушками большаго калибра — то подумаешь, что слышишь сказку; но быль наша еще не кончена, а что ни дальше, то будетъ лучше.

Казарскій объявилъ коротко командѣ, чего ожидаетъ отъ нихъ царь и чего требуетъ честь русскаго флага — и команда вся отвѣчала: рады славному бою, рады честной смерти!

Увѣрившись такимъ образомъ во всѣхъ подчиненныхъ своихъ, Казарскій сказалъ: теперь намъ ничего не страшно, а мы непріятелю страшны. Шабашъ! Убирай

весла; обрубить стропы и тали и сбросить въ море яликъ съ кормы, чтобы не мѣшалъ пальбѣ изъ уходныхъ портовъ! Люди по пушкамъ!

Стопушечный корабль сталъ спускаться на бригъ, чтобы дать по немъ продольный залпъ; Меркурій также приспустился и недалъ кормы своей въ обиду. Съ полчаса еще онъ кой–какъ увертывался, такъ что корабли стрѣляли по немъ только изъ погонныхъ орудій — но затѣмъ оба корабля настигли его, разошлись нѣсколько и поставили его въ два огня. Каждый изъ кораблей далъ по два залпа, а затѣмъ съ корабля Капудана–Паши, подошедшаго очень близко, закричали по русски: «Сдавайся и убирай паруса!» Меркурій отвѣчалъ на это залпомъ всей артиллеріи своей, всѣхъ осьмнадцати пушекъ, громкимъ ура и дружнымъ ружейнымъ огнемъ.

Тогда оба корабля сдались немного къ кормѣ брига и открыли по немъ жестокій огонь ядрами, книпелями и брандскугелями. Отъ послѣднихъ бригъ было загорѣлся, но

пожаръ вскорѣ потушили. Бригъ во все время отстрѣливался такъ, будто нашелъ непріятеля по силамъ, стараясь только уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ.

Время шло, команда на Меркуріѣ увидѣла, что подъ турецкими ядрами еще пожить можно; много было перебито, да не столько, какъ бы слѣдовало ожидать: одинъ путный залпъ со стопушечнаго корабля долженъ бы пустить бригъ ко дну. Меркурій прибодрился, а какое–то счастливое или роковое ядро его, перебило ватеръ–штаги стопушечнаго корабля; а другое, какъ можно было замѣтить, повредило гротовый рангоутъ. Турокъ закрѣпилъ бомъ–брамсели, привелъ къ вѣтру и легъ въ дрейфъ; и на прощанье послалъ бригу послѣдній залпъ всѣмъ лагомъ.

Такимъ образомъ Меркурій избавился одного непріятеля, но другой сидѣлъ у него чуть не на боканцахъ. Перемѣняя галсы подъ кормой брига, корабль билъ его безпощадно въ корму, чего уже никакъ нельзя было избѣгнуть. Меркурій

продолжалъ свое — въ полѣ да въ морѣ вѣруютъ въ ветхій завѣтъ: око за око и зубъ за зубъ; и опять нашлось роковое ядро, которое перебило у турки форъ–марса–рей. Перебитый нокъ напоромъ паруса переломило вовсе, и онъ полетѣлъ внизъ, вмѣстѣ съ лиселями!

Въ 5 1/2 часовъ и этотъ корабль, вынужденный убрать часть парусовъ, а можетъ быть опасаясь также чтобы не напороться одному на засаду въ чистомъ морѣ — привелъ и легъ въ дрейфъ.

Три часа длилось сраженіе это, въ которомъ, конечно, никто изъ нашихъ нечаялъ спасенія. На бригѣ всего было: убитыхъ 4, раненыхъ 6; пробоинъ: въ корпусѣ 22, въ рангоутѣ 16, въ такелажѣ 148, въ парусахъ 133; сверхъ того разбиты гребныя суда и подбита одна каронада.

Объ этомъ дѣлѣ писалъ одинъ изъ штурмановъ турецкаго адмиральскаго корабля письмо, изъ котораго мы выписываемъ слѣдующее:

«Во вторникъ, со свѣтомъ мы примѣтили три русскихъ судна: фрегатъ и два брига;

мы погнались за ними, но могли догнать одинъ только бригъ, въ 3 часа пополудни. Корабль Капудана–Паши и нашъ открыли сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное; мы не могли его заставить сдаться! Онъ дрался, отступая и увертываясь, съ такимъ искусствомъ, что — стыдно сказать — мы прекратили сраженіе и онъ со славою продолжалъ свой путь. Онъ вѣрно потерялъ половину своей команды, потому что былъ, одно время, отъ насъ не далѣе пистолетнаго выстрѣла; но Капуданъ–Паша прекратилъ сраженіе еще часомъ ранѣе насъ и сигналомъ приказалъ намъ сдѣлать тоже. Бывшій на кораблѣ нашемъ русскій плѣнникъ сказалъ намъ, что капитанъ этого брига никогда не сдастся, а скорѣе взорвется на воздухъ. Коли въ древнія и новыя времена были подвиги храбрости, то, конечно, этотъ случай долженъ затмить всѣ: имя героя достойно быть написано золотомъ на храмѣ славы: это капитанъ–лейтенантъ Александръ Ивановичъ Казарскій, а бригъ Меркурій».

Пусть же такое свидѣтельство самаго непріятеля передастъ потомству достойную славу Казарскаго и всѣхъ его сподвижниковъ; а прахъ его да почіетъ съ миромъ, а безсмертная душа да ликуетъ на небесахъ. Нынѣ уже его нѣтъ въ живыхъ.

Государь произвелъ Казарскаго въ капитаны 2 ранга, назначилъ его своимъ флигель–адъютантомъ, далъ ему, за храбрость, Георгія 4 кл.; лейтенантамъ брига Меркурій, Скорятину и Новосильскому, мичману Притупову, поручику Прокофьеву, пожаловалъ по чину, да по кресту, первымъ тремъ Владиміра 4 ст. съ бантомъ, а послѣднему, какъ тому, кто первый подалъ голосъ въ совѣтѣ, чтобы взорваться на воздухъ, Георгія 4 кл.; всѣмъ нижнимъ чинамъ брига, до послѣдняго, знакъ Военнаго Ордена; всѣмъ чинамъ, какъ офицерамъ, такъ и низшимъ: двойной окладъ жалованья въ пожизненный пенсіонъ; бригу Меркурій далъ георгіевскій флагъ, и наконецъ, чтобы увѣковѣчить память геройскаго подвига въ родѣ всѣхъ бывшихъ на бригѣ офицеровъ,

государь повелѣлъ каждому изъ нихъ принять въ родовой дворянскій гербъ свой пистолетъ, которымъ они рѣшились взорвать на воздухъ бригъ, въ случаѣ послѣдней крайности.

Кромѣ того государь, жалуя 32 флотскаго экипажа георгіевское знамя, соизволилъ повелѣть, чтобы при экипажѣ этомъ оставался на вѣчныя времена бригъ Меркурій; а потому, коль скоро онъ придетъ въ ветхость, то строить по тому же чертежу другой и переносить на него флагъ, «дабы память знаменитыхъ заслугъ», сказано въ указѣ, «переходя изъ рода въ родъ на вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

Александръ Ивановичъ Казарскій скончался въ 1833 году, 36 лѣтъ отроду, въ Николаевѣ. Офицеры черноморскаго флота поставили ему памятникъ въ Севастополѣ, на мысѣ, при самомъ входѣ въ портъ.